

INDEX LIBRORUM

ДЕМОН ДЕКАРТА

ВЛАДИМИР РАФЕЕНКО

Москва
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 26

Составитель серии *Петр Ремизов*

Издательство выражает благодарность Екатерине Дайс
за помощь в приобретении прав

Фото *Владимира Рафеенко* — из архива автора

Художественное оформление *П. Петрова*

Рафеенко В. В.

Р 26 Демон Декарта / Владимир Рафеенко. —
М. : Эксмо, 2014. — 256 с. — (Index Librorum:
интеллектуальная проза для избранных).

ISBN 978-5-699-68175-4

Каждый одержим своим демоном. Кто-то, подобно Фаусту, выбирает себе Мефистофеля, а кто-то — демона самого Декарта! Картезианского демона скепсиса и сомнения, дарующего человеку двойное зрение на вещи и явления.

Герой Владимира Рафеенко Иван Левкин обречен время от времени перерождаться, и всякий раз близкие и родные люди не узнают его. Странствуя по миру под чужими личинами, Левкин помнит о всех своих прошлых воплощениях и страдает от того, что не может выбрать только одну судьбу. А демон Декарта смеется над ним и, как обычно, хочет зла и совершает благо...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68175-4

© Рафеенко В., 2014
© Оформление. ООО Издательство
«Эксмо», 2014

Я решил вообразить, что все,
когда-либо приходившее мне
на ум, не более истинно, чем
обманчивые сновидения.

Но тотчас же вслед за тем
я обратил внимание на то,
что в то время как готов
мыслить, что все ложно,
необходимо, чтобы я, который
это мыслит, был чем-нибудь.

Рене Декарт

Я в большом котле киплю
у черта на пиру,
«Мне плакать уж ни к чему», —
лезет мне в голову.
Вдруг слышу за собою —
совы нежные: «У-юй».

У меня на душе стало веселее,
А-лай-лай-лай, стало веселее.

Жюли Грюн

— ИНТРОДУКЦИЯ —

Как хорошо за городом! Особенно в солнечный полдень. Ивы стоят по колено в небесной воде, и солнце так отражается в них, что даже аистам, вышагивающим на мелководье и без умолку тарыхтящим по-египетски, не по себе от щедрой тяжести грядущего лета. И хорошо, что аисты не атеисты. Ибо сезон требует веры. Весна удивительная в этом году. В ней всего довольно: и жарких, стремительно плавящихся дней, от которых, как от тела девственницы, кружится голова, и холодных порывистых ветров, с утренними заморозками и ночными снегопадами, косо секущими все пространство от Киева до города Z.

Томительны и неуверенны вечера, мерцают холодные сквозняки, дрожит свеча. Хрустящая корочка наста, запах пропеченного хлеба, висящая головой вниз незадачливая, но прекрасная кряква. Натюрморт с уткой. Жан Батист Шарден. Огонек мерцает в окне. Пес на цепи. Месяц

играет мизер. Хозяйка угощает заезжего охотника. Ранним утром он выйдет с ружьем. И пойдет. Свистнет сотоварищей. Зальются лаем борзые. Выпадет снежок. Маслом по дубу. Охотники на снегу.

Будет пахнуть мокрой землей, навозом и лежалым сеном, прелым прошлогодним листом, мышинными норами, вязкими клейкими почками, проснувшимися на тонких и мокрых ветках. Неслышно летит горькая паутина запахов. Туман. Свежие тонкие полоски снега на теплых ветках плодовых деревьев. По стволам катятся легкие волны грусти и нежности. Лед хрупок и красив.

Такая весна.

И никак не желают таять снежные холмы по обочинам дорог, у будок стрелочников, у опорных колон мостов и у портиков храмов. Коегде намело до самого архитевра, не пробиться жрецу, не пройти туристу, не рассмотреть колонн, не реставрировать коринфскую капитель. Только ходить вокруг да около. Плакать и пить. Пить и петь. И плясать придуравошно с гиканьем и хлопаньем, с прибаутками и закличками! Призывать весну! Входить в нее, как в женское лоно, рывками, сцепив зубы, до отказа, насыщая это лоно сбивчивым синтаксисом, скверной пунктуацией, путаной рифмой и приблизительным смыслом. Весна все спишет!

Не тает снег у понтонов, в зарослях камыша и орешника, у заячьих и волчьих нор, в си-

зых намерзших за зиму буграх льда у плотины и в темных оврагах, глубоко разрезающих землю у самой реки. Звучит лед и гудит земля, как колокол, изумляя монахов и ювенильных пауков нотою «до» первой октавы. На холодных жаровнях тающих луж плавится ванильный виноград медленно кружащихся в небе сливочных облаков.

После жаркого, почти летнего дня на город Z и его предместья налетает северный ветер. Он хлещет хутора, поселки и стекла одиноких усадеб ледяными весенними струнами, гремит черепицей, выстуживает подъезды и дворы, придорожные закусовые, высокие, пустые, как храмы, роци. Несет облака. Ветер кружит вокруг стогов сена, изъеденных за зиму козами, коровами, бесами. Бьется в зеркала глубоких прозрачных ручьев, в щели курятников, в стекла оранжерей. Рвет пленку с теплиц, заставляет собак сворачиваться в будках колечком, а кошек — прыгать на колени хозяевам.

Трещит флюгер, скрипит калитка, бьется мелочь в кружке у нищего, пытаюсь взлететь. На косой деревяшке скрипит старое пугало, машет птицам, просится ввысь. Наступает ночь. Хуторские дети, дальнобойщики, офицеры и сержанты дорожной полиции, проститутки и люди, не имеющие где главу приклонить, торопящиеся домой горожане и спешащие из города фермеры — все находят место, приуготов-

ленное для них. Наполняются мотели и бары, подвалы строящихся домов и гулкие тоннели городских теплотрасс, гостиницы и морги, автобусы, троллейбусы, подземные переходы, вагоны метро.

И последняя электричка, холодный зеленый циклоп, мчит в ночи — сквозь косо летящий снег, — освещая грядущую жизнь жарким и влажным глазом.

Часть 1

— МРАМОРНЫЙ УТЕНОК —

Сотворенному уму никогда
не избыть тайн непостижимых.
Ум бунтует против этих уз:
но бунтуй не бунтуй,
а уз таинственности не разорвешь.

Святитель Феофан Затворник

«За городом просто охренительно, — так начал бы эту историю любой, кто смыслит хоть что-то в загородном отдыхе. — Здесь — ах! ах! — дышишь до изнеможения, до боли. Здесь поля и пруды!» Именно здесь утка Гретхен, типичная фрау птица с немецким сильным характером, сидела на яйцах. Обычно невзгоды по высиживанию она переносила стойко, но к концу этого весеннего месяца внезапно затосковала. Уж очень хотелось ей поплавать всласть, размяться, проехаться широким животом по жирной глади озер. Старовата она стала для этой работы. И ут-

кой быть подустала, и трудилась в жизни много. Впрочем, труд так и не сделал из нее человека.

Но зачем же еще мы приходим в эту жизнь, как не всласть посидеть на яйцах, уготованных нам судьбой? Что бы ни писали в газетах, дело есть дело! Как говорится, сначала *арбайтен унд дисциплинен, майне зольдаттен*, а потом все остальное. И, несмотря на усталость, Гретхен сидела.

И вот наконец-то полезли утята. Фрау птица придирчиво осматривала каждого и в целом оставалась довольна. Только одно, самое большое, яйцо продолжало лежать в гнезде. «Бросай его, сколько можно, — кричали птицы усадьбы. — Оно не твое! Брось! Прокатись брюхом по жирной глади озер! Донырни до темной их сердцевины! Рассмотря тени, пугающие и дразнящие!»

Гретхен глядела, как колышутся травы, как солнце катится по вогнутой тверди неба, провожала темным взглядом счастливых подруг. За ними шлепали по воде ловкие пушистые шарики. Фрау без зависти смотрела на комочки утиной плоти, предназначенные для какого-то пока еще неведомого Рождества. Гордо поведя головой, оставалась на месте. Птица была строга к себе. «Буду сидеть, если понадобится, до самого Армагеддона», — думала она. Даже в мраморном яйце есть свой утенок. Благословенна мать, высиживающая его.

Звенели клены и тополя, наливаясь соками и светом. Сновали муравьи и мыши, стрижи и чайки. Вольный простор утопал в бесконечности весенней благодати. Стоял теплый субботний полдень, когда наконец-то это свершилось. Самое большое яйцо фразу птицы дало трещину. Четкая линия разлома однозначно и бесповоротно перечеркнула синевато-белую поверхность. С шумом и шипением, с жалобным стоном яйцо раздвинуло пространство, имя которому жизнь.

«Вот и ты», — сказала утка, подслеповато щурясь на то, что показалось из темной паркой щели. Разводя руками черноватые тени небытия, из яйца, приглушенно матерясь, выбирался Иван Павлович Левкин. Отплевываясь от липкого и скользкого, он с омерзением рассматривал ладони, покрытые белковой жидкостью, ошалело глядел на слепящий весенний свет, ломал острые края скорлупы, ускоряя освобождение.

«Да что ж это такое?» — прошептал он, выбравшись наружу, разглядев наконец-то старую утку у своих ног и необозримые пространства вокруг. Иван был удивлен, но главным образом — испуган. Бессмысленный ужас происходящего переполнял его. Жутчайшее страдание пролегло по разломам артерий и вен. Организм болел, испытывал тошноту, существование томил злобой нового дня.

Подрагивающими руками ощупал пиджак, куртку, брюки... «Ох!» Этот вздох свидетельствовал о том, что нашелся бумажник. Он вытащил из внутреннего кармана то, что было когда-то паспортом. Обложка пожелтела и побурела, строчки расплылись. В раскисший документ был вложен билет на самолет. Летательный аппарат должен был двигаться из Киева в город Z. «Киев — мать городов», — машинально сказал Левкин. Билет был еще менее пригоден к использованию, чем паспорт. Даты отсутствовали, фамилия пассажира тоже, часть билета превратилась в скользкую желтоватую кашицу.

Но, с другой стороны, бумажник был цел. Слава богу! Отчего-то из всего происходящего чудом казалось только это. Внезапно в затылок острым углом вступило окружающее пространство. «Мама», — проговорил он невольно и взялся за голову. «Да, сынок, — сказала фрау с отчетливым немецким акцентом, — да. Понимаю. Нужно поплавать, понырять, взглядеться в темную суть наших озер». — «Извините», — ошарашенно проговорил Иван Павлович. Согнулся, наклонил голову к жирной птице у своих ног. Перед глазами тут же пошли круги, захотелось одновременно попить и помочиться.

«Ничего, — степенно произнесла утка, встала с гнезда, почистила перья плоским оранжевым клювом, — не дергайся. Ты вот что, мальчик, искупайся и покажись на глаза людям. Без это-

го ты просто сойдешь на нет. Станешь мертвее мертвого. Натюрлих. Понял меня, милый?»

Иван с тоскою взгляделся в утку. Ноги и руки дрожали. Поминутно озираясь по сторонам, Левкин норовил присесть пониже, чтобы слышать голос мамы-утки как можно более отчетливо. «Не садись, не пугай меня! Ты отвратительно громадный! Встань и стой! — Утка громко крикнула и гордо расправила крылья. — Иди в воду и начинай жить! *Vivamus, mea Lesbia, atque amemus*, что значит *будем жить и любить, моя Лесбия!*»

«Лесбия?!» — Иван на всякий случай коснулся причинного места. «Вот озеро! Озеро, мальчик! Время идет, а ты ужасен!» — «А что же дальше?» — Левкин не переставал с томительной тоской оглядываться вокруг. «Да ладно тебе, — мотнула головой фрау птица. — Пошел в озеро, пошел! Как коньяк жрать, так ты не спрашивал, что дальше! А именно сейчас отчего-то забеспокоился. Невротик, мать твою. Пошел! Будет видно, что дальше. В озеро! *Brevi manu*, что значит *быстро, млять, и без проволочек!*»

В теле нарастал зуд. Действительно противно, утка-мать совершенно права. «Несомненно быстро, — проговорил Иван. — Разумеется, без проволочек». Осторожно переступив через Гретхен, бросился в воду. Поплыл, периодически ныряя, отдуваясь, хрипя от восторга и натуги. Вокруг расходились волны, будто видимые сигналы невидимому. Дрожала ряска. Мерцали неясные от-